

Я не апостол нации

Первый вечер

белорусского центра
международного
Пен-клуба начался
с вопросов:

— Что пишет Быков?

О чем думает Быков?

Что говорит Быков?

— Это первый в моей
жизни платный вечер.

Спасибо всем большое,
что купили билеты.

Раньше многое было
не так...

— В том, до чего мы дожили, повинен, конечно же, тот выбор, который был сделан за нами, не нашими поколениями, а еще в 1917 году. В 17-м наше общество свернуло с магистрального натурального пути развития, свернуло аж в бок. И через великие преодоления, через жертвы теперь вот уперлось в тупик.

— И все-таки, как же выбираться?

— Хочется, конечно, таким образом, чтобы не возвращаться больше назад. Но и перескочить разом в другой паровоз не выйдет. Мы видим сейчас разрушение культуры, разрушение духовности. Я уже не говорю про экономику, которая просто не может существовать. Не будет существовать. Не поправить ее никакими поправками, никакими компрессами, потому что та экономика, которая уже показала свою несостоятельность, должна разрушиться... И лишь после того разрушения начнет прорастать новая, конечно, капиталистическая экономика, потому что другой нет. Хотя ни одно государство, я убежден в этом, не дает человеку полного счастья.

— Человек всегда остается один на один с жизнью?

— И будет терпеть... Все надежды на возрождение культуры. Потому что она-то должна быть национальной. Каждая культура. Иначе не может быть. Но это, как ни странно, является не только ее сильной стороной, но и слабой, уязвимой. Сильная потому, что национальное — это извечно, а не введенное декретом, это биологическое, унаследованное от природы, данное Богом, генетическое.

В Беларуси, правда, свой опыт. Все же, не имея государственности на протяжении столетий, усилиями многих поколений апостолов белорусы создавали свою национальную культуру... Так что теперь, на краю 20-го века, надо думать, есть всеядя возрождения белорусскости...

— А дальше и материальное «потянется»? Может быть... Ваши герои Василь Владимирович, как правило, люди сильные духом. Но их ведь породила система, которую мы так сегодня ругаем...

— Люди разные. Но никакие социологические исследования не могут дать правдивую картину соотношений большинства к меньшинству. Сколько людей честных, а сколько нечестных. Так же, как и сами понятия «честность» и «нечестность», «плохой» или «хороший», — это очень относительные понятия. И это заметно, особенно на протяжении каких-то 3—5 последних лет. Какими далеки мы от нравственности оказались наши вчерашние «маяки» — и в литературе, и в общественной жизни. И наоборот... человека ведь в наше время воспитывает сама жизнь, а не школа и комсомол, не университет и не партия, как считалось совсем недавно. И то, что в обществе есть некоторое количество нравственных людей, это заслуга не какой-то одной инстанции, а самой жизни, всего общества. И Бога.

— О чем же болит душа писателя?

— У всех одна и та же «болезнь». Другое дело, как к этой болезни относится литература. После чрезмерной идеологизации государства и в целом культуры, которая была много лет, наступила иная пора. Дендеологизация. Писателя чуть ли не уговаривают отойти от политики, перейти на вечные темы...

Должен сказать, что очень грустно читать такие речи. Потому, что это не для нашей литературы, не для нашего народа. Может, на Западе, там, где социальные конфликты еле-еле клеятся, там, возможно, и не нужна политизированная литература, литература, которая несет определенную общественную нагрузку. Но у нас — иное. Литература народа, который на протяжении многих столетий вынуж-

ден был вести такую трагическую жизнь, — как же может она, и все искусство в целом, вся культура, абстрагироваться от этой своей же собственной трагической судьбы?

— А вы, Василь Владимирович, уже написали свой лучший роман?

— Я не знаю. Не даю себе работу думать над тем, какая моя книга лучше... Написал то, что написал. А после, как книга сошла с моего стола, она меня уже мало интересует.

Вы видите, что теперь и искусство, и литература остановились на каком-то раздоре. Это относится не только к нашей белорусской литературе. Ко всем литературам посткоммунистического общества. Почему так случилось? Я даже не берусь анализировать. Слишком сложный процесс. И очень неожиданный. Наверное, это можно будет осмыслить через какое-то время.

— Как вы относитесь к официальному двуязычию в Беларуси?

— Конечно, можно понять тех, кто живет на Беларуси уже в течение 70 лет и говорит на своей русской мове. Для всех нас она была, считай, родной все эти годы. Положение такое можно понять, но нельзя оправдать. Потому что и у нас, у белорусов, произошли большие перемены. Вот Беларусь стала суверенной державой. Разве не нужно, чтобы каким-то образом укрепилась белорусская мова? Чтобы она просуществовала, я думаю, нужна некая монополия, государственность белорусской мовы. Это не значит, что русский язык будет изгнан из обихода. Он останется, я в этом уверен.

— Какой, на ваш взгляд, основной недостаток белорусского характера?

— Ох! Что значит недостаток национального характера? Это как недостаток народа. Я всегда очень боюсь ненаучных обобщений. И исхожу из того, что все-таки характеры всюду разные. И потом, одно и то же качество может быть однажды с плюсом, а в другой раз с минусом — разве нет?

— Некоторые политики видят вас, Василь Владимирович, на посту Президента Беларуси. Взглялись бы вы за такое дело?

— Это слишком большое преувеличение...

— Вам неприятно?

— Нет. Так же, как и весь мой народ, я, наверное, недостаточно политизирован. Если бы наше белорусское общество было достаточно политизировано, мы бы не жили так плохо, как теперь.

— Но рейтинг вашего слова в народе велик...

— Я бы сказал более обобщенно здесь: значение литературы, искусства в нашем

народе было всегда очень велико. Даже регламентированная, обмеженная идеологией литература все же была для людей единственной отдушиной.

— Как художник Быков, конечно, стоит выше Быкова-политика. Но вас иногда называют и апостолом нации...

— Я не апостол нации. И не политик. Я вообще скорее частное лицо, не являюсь ни политическим деятелем, ни чиновником, не занимаю никаких должностей. Я писатель.

Но когда я вижу, что в жизни происходит несправедливость (не важно, в каких масштабах — в отношении нации или отдельного гражданина), то могу ли я обойтись только моими литературными способностями?

Конечно, очень важно для людей — творец. Очень важно для истории — талант. Это всегда было важно, и я тоже уважаю каждый талант. Но все-таки для меня важнее гражданская позиция человека. Это такой же талант.

— Пен-клуб, в котором мы сегодня собрались, защищает писателей гонимых, и таких в Беларуси оказывается немало. Вот на Светлану Алексиевич подали в суд матери погибших «афганцев»...

— Это просто невозможно допустить в наше время: суд над книгой... Но если призадуматься, в какой атмосфере мы живем, то все становится ясно. И полтора миллиона убитых афганцев, и кровь, конечно, не могли не сказаться на психологии всего нашего общества. Одно дело те, кто посылал наших мальчишек на неправедную войну. Этих уже не вернуть. Но остались же те, кто вернулся из Афганистана с золотыми звездами. И вы что же думаете, они позволят сказать правду об этой трагедии до конца? Нет, ни за что на свете. И пусть будут слезы — священные слезы матерей, которые потеряли сынов, — но не дадут сказать правды.

— Василь Владимирович, во почему же тогда молчит национальная интеллигенция?

— У меня большие претензии к белорусской интеллигенции. К творческой и технической. Но что поделать? Переродилась и интеллигенция, как и народ. Потеряла национальное самосознание. Учителя на селе, и те прошли через парторганизацию, через идеологизацию. В Союзе писателей и то парторганизация... Вот почему я готов снять шапку перед теми немногими истинными интеллигентами из народного фронта, которые борются и жертвуют многим во имя возрождения истинной белорусскости.

Записала Ольга ЕГОРОВА.

Минск.